

КАМИЛ НОВА

ГОРОД ЧУЖОГО СЧАСТЬЯ

Камил Нова

Город чужого счастья

<https://litres.ru/74442643>

SelfPub; 2026

Аннотация

Однажды Оля ставит на стол две чашки. Третья не нужна: она больше не помнит, что у неё есть дочь.

За шесть недель до этого Илья Ветров мечтал всего лишь спасти мастерскую, расплатиться с долгами и купить Асе хороший инструмент. Загадочная Контора предложила работу, после которой деньги пришли вовремя, а давние проблемы начали исчезать одна за другой.

Но в городе стали забывать людей. Соседи не узнавали знакомых. Работодатели отрицали, что видели своих сотрудников. Родные отвечали на звонки чужими голосами. Фотографии оставались прежними — исчезало чувство, что человек на них тебе дорог.

Илья находит связь между своим благополучием и чужими потерями. Он ещё может остановиться. Только впереди самый большой договор в его жизни, а за спиной — люди, которым он уже обещал помочь.

«Город чужого счастья» — мистическая повесть о человеке, который хотел стать незаменимым и едва не потерял тех, ради кого, как ему казалось, всё делал.

Содержание

Глава	4
Часть первая. Желание	5
Глава 1. Третья чашка	5
Глава 2. Шесть недель	7
Глава 3. Комната без эха	9
Глава 4. Мелкий шрифт	12
Глава 5. Деньги приходят утром	14
Глава 6. Человек на лестнице	16
Глава 7. Своя квартира	18
Глава 8. Кого вы ищете	20
Часть вторая. Выгодные условия	22
Глава 9. Сопровождение	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Город чужого счастья

Глава

Город чужого счастья

Камил Нова

Мистическая повесть

2026

Часть первая. Желание

Глава 1. Третья чашка

Оля поставила на стол две чашки, и я понял, что она больше не помнит нашу дочь.

Ася сидела у окна в моей старой толстовке. Одной рукой она придерживала рукав другой: так делала в детстве перед прививкой. На коленях лежала раскрытая тетрадь. На первой странице крупными буквами было написано её имя.

— Ты ей нальёшь? — спросил я.

Оля оглянулась на окно. На секунду её взгляд задержался на дочери, затем соскользнул на батарею.

— Кому?

Я взял третью чашку. Розовую, с отбитой ручкой. Мы привезли её с моря, и последние пять лет Оля собиралась её выбросить.

— Асе.

— Илья, перестань.

Она сказала это устало, без страха. Мы давно жили порознь, и ей, должно быть, казалось, что я опять пришёл с разговором, который надо было закончить два года назад.

Ася поднялась. Табуретка закричала, и Оля отступила, словно её передвинули без разрешения.

— Мам, — сказала дочь. — У тебя под раковиной подарок. Я на завтра спрятала. Там соль для ванны. Ты хотела такую, с лавандой.

Оля посмотрела на меня.

— Зачем ты рассказал посторонней девочке про нашу квартиру?

Я уже умел не спорить в такие минуты. Достал телефон, нашёл фотографию с Асиного дня рождения. Пятнадцать свечей, потёкший крем, Оля в клетчатой рубашке. Снимок никуда не исчез. Ничего с ним не случилось.

— Посмотри внимательно.

Она поднесла телефон к глазам. На её лице мелькнуло узнавание. Я успел заметить его и почти обрадовался.

В коридоре зазвонил домофон.

Оля повернула голову. Когда снова посмотрела на снимок, спросила, кто фотографировал эту девочку.

Ася аккуратно закрыла тетрадь.

— Пап, — сказала она, — не показывай больше. Мне хуже, когда она сначала вспоминает.

В кармане у меня лежал сложенный вчетверо лист. Бумага размокла от пота. В графе «Получатель последствий» стояла фамилия Ветрова, а ниже — имя и отчество, которые я когда-то сам продиктовал женщине в роддоме.

Внизу была моя подпись.

Глава 2. Шесть недель

За шесть недель до этого я считал, что самая большая моя беда помещается в банковском приложении.

Там было три просроченных платежа. Четвёртый ожидался в пятницу. Я сидел в мастерской над старым катушечным магнитофоном и слушал, как незнакомый мужчина поздравляет жену с восьмым марта тысяча девятьсот семьдесят шестого года. Мужчина смущался, кашлял и никак не мог начать заранее сочинённую речь. Из другой комнаты кто-то кричал, что стынет картошка.

За восстановление записи мне обещали четыре тысячи. На катушке было меньше пяти минут; я провозился с ней два дня.

Хозяин помещения пришёл без звонка. Постоял у двери, не снимая шапки.

— До понедельника, Илья. Потом ключи оставишь охране.

Я попросил неделю. Он отвёл глаза, и мне стало ясно: эту неделю он уже кому-то продал.

Когда он ушёл, я прослушал поздравление ещё раз. Незнакомый мужчина наконец добрался до самого важного: «Ну, ты сама знаешь». На этом плёнка оборвалась.

К вечеру пришла Ася. Она делала вид, что ей по дороге, хотя музыкальная школа находилась в другом конце Оль-

хова. Поставила на стол пакет с пирожками.

— Это мама. Сказала, не обижайся.

— На пирожки?

— Не знаю. Наверное, на начинку.

Мы поели прямо над разобранным магнитофоном. Ася сыграла пальцами по столешнице четыре ноты — наш сигнал перед началом любой записи. Его придумал мой младший брат Лёша. Дочь его не помнила, но привычку унаследовала.

— Ты маме скажешь про мастерскую? — спросила она.

— Пока рано.

Ася посмотрела на пустые полки. Я уже продал половину приборов.

— Когда станет не рано, ты обычно говоришь, что поздно. Возразить было нечего. Я перевёл разговор на её экзамен.

Перед закрытием из муниципального архива привезли коробку с плёнками. В накладной числилось девять катушек. В коробке их оказалось десять.

На лишней стояла дата следующего дня.

Глава 3. Комната без эха

Я решил, что архивистка ошиблась при маркировке. Такое случалось чаще, чем хотелось бы людям, которые верят документам.

Запись началась с моего голоса.

— Мне бы просто выдохнуть.

Потом незнакомая женщина ответила:

— Назовите сумму, после которой это станет возможно.

Перед словом «выдохнуть» фон на мгновение просел. Я решил, что плёнка помята. Такие места я обычно отмечал карандашом на коробке. В этот раз карандаш остался лежать у локтя.

Я остановил магнитофон. Проверил скорость. Посмотрел на пустой стул напротив.

В разговоре не было ничего необычного, кроме того, что он ещё не состоялся.

На бумажной обёртке катушки обнаружился адрес: Набережная, девять. Дом я знал. До войны там работало страховое общество, потом — городская служба расчётов. Теперь с фасада сняли вывески. На первом этаже продавали двери.

Я пришёл утром, рассердившись заранее. Внутри пахло нагретой пылью и дорогим мылом. На втором этаже женщина в сером платье поливала невысокий фикус из обычной пластиковой бутылки.

— Вера Ланская, — представилась она. — Я здесь управляющая. Спасибо, что принесли запись.

— Откуда у вас мой голос?

— Вы его узнали. Это уже хорошо.

Она провела меня в комнату с большим окном. Я машинально щёлкнул пальцами. Звук погас слишком быстро: ни отражения от стекла, ни отклика голых стен.

Я сделал ещё один шаг и негромко произнёс своё имя. Вера подождала. Мне стало неловко, но я повторил опыт: щёлкнул возле окна, потом у шкафа. Везде было одинаково тихо.

— Что-нибудь потеряли? — спросила она.

— Здесь не должно так звучать.

Она предложила мне стул. На столе лежал небольшой кассетный диктофон. Я попросил разрешения записать несколько секунд. Вера нажала кнопку сама.

На записи моё имя прозвучало сухо, словно его произносили впритык к микрофону. Я знал комнаты, в которых специально убирают отражения. Через час работы в такой комнате человек начинает прислушиваться к дыханию и шороху собственной одежды. Здесь хватило минуты.

Я вдруг услышал, как часто сглатываю.

Вера ничего не делала, чтобы заполнить паузу. Не спрашивала о дороге, не предлагала кофе. Чем дольше она молчала, тем сильнее хотелось самому рассказать, почему я пришёл, хотя объяснять, по справедливости, следовало ей.

— Здесь что, специальные панели?

— Здесь легче услышать собственные слова.

Я положил катушку на стол и попросил перестать меня разыгрывать. Вера не стала спорить. Вместо этого достала папку с задолженностью за мастерскую, с моими банковскими письмами и чеком на Асин сломанный инструмент.

— Вы можете уйти, — сказала она. — Запись останется у вас. Либо мы попробуем решить то, ради чего вы каждое утро открываете телефон.

Я хотел спросить, кто дал ей доступ к этим сведениям. Хотел потребовать, чтобы она уничтожила копии. Но она ждала, и я произнёс именно те слова, которые слышал на плёнке:

— Мне бы просто выдохнуть.

Вера перевернула чистый лист.

— Назовите сумму.

Глава 4. Мелкий шрифт

Сумму я назвал с запасом. Потом стыдливо уменьшил на сто тысяч.

Вера вернула первоначальную цифру.

— Давайте без упражнения в скромности. Мастерская, задолженность, инструмент дочери. Что-нибудь ещё?

— Вы собираетесь выдать мне кредит?

— Нет. Вы будете работать.

Контора, как она называла это место, находила выходы из запутанных положений. Старые страховые выплаты, спорные наследства, остановленные стройки. По словам Веры, у большинства несчастий существовал вполне конкретный адрес, только люди не умели его искать.

Моя работа заключалась в другом. Здесь хранились записи разговоров с клиентами. Плёнки портились. Иногда было необходимо установить, чего именно просил человек.

Я спросил, почему нельзя слушать цифровые копии.

— Можно. Но люди охотнее верят тому, что нельзя незаметно исправить у них перед глазами.

Договор занимал три страницы. Вознаграждение выглядело неправдоподобно большим, обязанности — неприятно расплывчатыми. На последней странице предлагалось включить в перечень защищаемых интересов благополучие семьи.

Я вписал Асю. Подумал и вписал Олю, хотя мы больше не были семьёй в том смысле, который имел в виду составитель бланка.

Ниже стояла фраза: «Допускаю распределение последствий согласованных решений без моего дополнительного участия».

— Каких последствий?

Вера подтолкнула ко мне ещё один лист. В нём говорилось о расчётах с третьими лицами, переносе сроков и порядке предъявления требований.

— Вам не придётся самому договариваться с каждым, кто участвует в исполнении. Для этого есть мы.

— А если я захочу знать?

— Тогда будете знать.

Она не торопила. Часы на стене показывали без двух минут одиннадцать. Я смотрел на стрелку, пока она не добралась до следующего деления.

В понедельник у меня забирали мастерскую.

Я подписал.

Глава 5. Деньги приходят утром

Деньги пришли в девять сорок две.

Назначение платежа было скучным и успокаивающим: аванс по договору. Я позвонил в банк, потому что иначе весь день представлял бы, как счёт блокируют. Сотрудница подтвердила поступление и вежливо спросила, что ещё меня интересует.

Меня интересовало, как разговаривают люди, которым больше нечего бояться до конца недели.

Я погасил просрочки. Перевёл хозяину мастерской аренду за полгода. Купил лампу над рабочим столом — ту, которую год разглядывал через витрину. Потом позвонил Оле и спросил, какой инструмент нужен Асе.

Она молчала так долго, что я повторил вопрос.

— Только не обещай, если это опять ненадолго, — сказала она.

Я обиделся. Деньги уже лежали на счёте, а она всё ещё разговаривала со мной как с человеком, который умеет лишь обещать.

В музыкальном магазине мне вынесли несколько моделей. Я впервые за долгое время не спрашивал, какая дешевле. Когда продавец предложил доставку, я ответил: «Конечно», — и услышал в собственном голосе незнакомую лёгкость.

У выхода сидела женщина с хозяйственной сумкой. В сум-

ке торчал зелёный лук, обёрнутый газетой. Она несколько раз обращалась к охраннику. Тот не грубил; каждый раз смотрел на неё с таким удивлением, будто она только что появилась.

— Я здесь работала, — говорила женщина. — Спросите Надю. Она сегодня во вторую смену.

Я прошёл мимо. В Ольхове постоянно закрывались магазины. Уволенные сотрудники нередко приходили выяснять отношения.

За углом я вдруг не смог вспомнить её лица.

Вечером Вера прислала сообщение: «Первое поручение исполнено. Завтра ждём к десяти».

Под ним находилась квитанция. Внизу было напечатано: «Остаток распределён».

Глава 6. Человек на лестнице

Первый клиент хотел вернуть дом.

Не дворец, не особняк. Двухэтажный дом у старого карьера, который строительная фирма три года обещала закончить. Мужчина показывал фотографии: на одной — залитый водой фундамент, на другой — жена с ребёнком у вагончика.

Вера попросила меня восстановить запись его первого обращения. На ней строитель уверял, что можно въезжать к осени. У мужчины дрожал голос, когда он это услышал.

К вечеру нашлись документы, которых до этого никто не мог найти. На следующий день фирма предложила квартиру взамен недостроенного дома.

— Вот так мы работаем, — сказала Вера.

Я впервые ушёл из Конторы с ощущением, что занимаюсь полезным делом.

На лестнице меня ждала женщина с зелёным луком. Сегодня сумки не было. Она держала в руках трудовую книжку.

— Вы меня в магазине видели, — сказала она.

Я кивнул, хотя помнил только сумку.

— Посмотрите, пожалуйста.

В книжке стояло: «Костина Тамара Ивановна». Двадцать шесть лет в одном магазине. Женщина провела ногтем по строке, и я вдруг узнал её лицо. Узнал так резко, будто кто-то включил свет.

— Вас уволили?

— Они говорят, что я никогда у них не работала.

— Документы же есть.

— Есть.

Тамара раскрыла другую страницу. Между листами лежала фотография: пятеро женщин в одинаковых фартуках. Она ткнула в одну из них.

— Эта Надя. Мы вместе её мужа хоронили. Сегодня она попросила меня не мешать ей на кассе.

По лестнице поднялся курьер. Я посторонился. Когда вновь посмотрел на Тамару, потребовалась секунда, чтобы понять, почему я с ней разговариваю.

Она заметила.

— Только не уходите, — попросила она. — Ещё немножко.

Глава 7. Своя квартира

Я рассказал Вере о женщине на лестнице.

Она закрыла папку, с которой работала.

— Тамара у нас на сопровождении. Её вопрос сложнее вашего.

— У неё есть доказательства, а её не узнают.

— Вы ведь тоже несколько лет предъявляли доказательства того, что умеете работать. Многие вас замечали?

Сравнение было неприятным, но удобным. В нём странность превращалась в обыкновенную несправедливость. Я позволил ей это сделать.

Через неделю мне предложили квартиру. Не подарили: включили аренду в оплату длительного проекта. Из окон было видно реку и новостройки на противоположном берегу. В ванной работал тёплый пол. Я минуту стоял на нём босиком, ощущая нелепое счастье от того, что плитка не холодная.

Ася пришла смотреть первой. Прошла по комнатам, открыла шкафы.

— А тебе здесь не будет пусто?

Я показал ей небольшую комнату с письменным столом.

— Если захочешь, это твоё.

Она провела ладонью по столешнице, но ничего не ответила. Я уже приготовил речь о том, что теперь у нас всё наладится, и разозлился, что ей не дают начаться.

— Нормальная квартира, — сказал я. — Или опять что-то не так?

— Всё так. Я просто ещё не решила, где хочу жить.

До её прихода я представлял, как она бросится меня обнимать. Оказалось, что вместе с новой комнатой мне хотелось приобрести её согласие.

Мы заказали пиццу. Ася сидела на полу и снимала короткое видео, чтобы показать подруге. Я услышал, как она говорит в телефон: «Папа наконец купил себе дом, в котором не надо доказывать, что он ненадолго».

Квартиру я не купил. Но поправлять её не стал.

Глава 8. Кого вы ищете

Тамара ждала меня возле мастерской. Я узнал её сразу — по трудовой книжке, которую она держала перед собой обеими руками.

— Мне сказали, вы восстанавливаете голоса.

На телефоне у неё была запись сына. Он спрашивал, нужен ли ей картофель из деревни, и ругался на плохую дорогу. Тамара включила её почти беззвучно.

— Сегодня я позвонила ему с соседского номера. Он разговаривал нормально. Пока я не сказала, кто я.

Я предложил позвонить вместе. Сын ответил после второго гудка.

— Ваша мать у меня, — начал я и назвал адрес.

Мужчина потребовал передать ей телефон. Я обрадовался слишком рано.

— Женщина, — сказал он, — я не знаю, что вам от меня нужно.

Тамара долго слушала уже пустую линию. Потом спрятала телефон.

— Это не из-за него. Он хороший.

Я нашёл в Конторе её дело. Вера не обманула: доступ у меня действительно был. Достаточно оказалось попросить папку.

На первой странице значилась небольшая ежемесячная

выплата. «Поручительство по нераспределённым последствиям». Подпись Тамары. Рядом — объяснение, которое ей дали: участие в программе взаимной поддержки.

Дальше шли чужие заявки. Одна была моей.

В графе напротив моего аванса стояло имя Тамары Костиной.

Я перевернул лист. Потом ещё один. Деньги получали люди, которым переставали звонить. Люди, чьи соседи забывали, откуда у них второй ключ. Люди, к которым можно было не прийти, потому что никто не помнил, что обещал прийти.

Вера стояла в дверях.

— Теперь, — сказала она, — вы хотя бы понимаете, о чём спрашиваете.

Часть вторая. Выгодные условия

Глава 9. Сопровождение

— Вы платите людям за то, чтобы их забывали?

Вера села напротив. На улице разгружали фургон с дверями; в окно поднимался мужской спор о недостающей коробке.

— Мы платим людям за поручительство. Некоторые живут на эти деньги годами. Без нас у них не было бы и этого.

— А они знают?

— Обычно они знают, что получают в пятницу.

Я захлопнул папку. Хотелось ударить ею по столу, но получилось только неловкое хлопанье.

— И никто ничего не замечает?

— Вы заметили. Тамара показала вам документы. Пока вы думаете о ней, её связь с вами держится. Поручитель не становится невидимым, Илья. Его просто очень легко перестать учитывать.

— Верните ей сына.

— Сына у неё никто не забирал.

Я поднялся. Вера не остановила меня, лишь спросила, кому я собираюсь вернуть аванс. Деньги уже ушли в банк, владельцу мастерской и музыкальному магазину. Сотрудни-

ки магазина получили зарплату. Хозяин помещения погасил свой кредит. Она перечисляла совершенно обыкновенные вещи, и от этого происходящее делалось ещё отвратительнее.

— Получается, выйти нельзя?

— Можно. Но не стереть прошлые решения. Нужно разобратся с каждым.

— Тогда разберёмся.

Она достала чистый бланк. В первой строке требовалось указать получателя ущерба, во второй — принятое обязательство. На обороте стояла графа согласования с пострадавшим.

Я искал место, где можно написать общую сумму и отделаться от всего сразу.

Такого места не было.

— Оставайтесь, — сказала Вера. — У вас будет доступ. Вы можете сделать распределение справедливее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.